

ся, в частности, национальным составом населения (80% литовцев), компактностью его расселения по национальностям и рядом других причин. Но проблем в межнациональных отношениях тем не менее много.

Если в Литве, как и в других прибалтийских республиках и Молдавии, болевыми точками являются проблемы суверенитета, языка, миграционного регулирования, то в республиках Северного Кавказа, например, на проблему мигрантов смотрят несколько иначе. Так, в выступлении А. Б. Дзадзиева (Орджоникидзе) прозвучала мысль о противоречиях в развитии многонационального Северо-Кавказского региона, связанных в значительной степени с процессами выравнивания социальной структуры населения, в частности это касается «коренизации высшего образования». Действительно, нужно растить свою интеллигенцию, и в последние десятилетия появилось много ее представителей. Но этого недостаточно. По мнению докладчика, необходимо, чтобы приезжали русские специалисты. Кроме того, нужен приток рабочей силы извне на нефтепромыслы и на другие не традиционные для местного населения промышленные предприятия. В то же время при сложном национальном составе возникает немало социальных проблем и даже конфликтных ситуаций (например, в Грозном, в Орджоникидзе). Вызывает недовольство жителей Северного Кавказа и то, что делопроизводство ведется только на русском языке, руководящие партийные кадры назначаются без должного учета состава населения и т. д.

Социолог А. В. Орлов (Киев) отметил, что ситуация на Украине также требует внимания. Очень остро стоит вопрос о языке обучения. Есть сторонники введения украинского языка во все школы, а значит, и в вузы. Но, по справедливому замечанию докладчика, в республике живут и другие народы (25% — по данным 1979 г.), да и среди украинцев, вероятно, не все хотели бы обучать своих детей только на украинском языке. По мнению А. В. Орлова, нужно удовлетворять языковые потребности всех жителей республики, а для этого надо их изучить. Важно проводить специальные этносоциологические исследования.

Последующие выступления были посвящены средствам массовой информации по пропаганде национальных аспектов образа жизни в наши дни (В. К. Малькова, Москва), вопросам методики этносоциологических исследований (А. А. Алиев, Москва) и т. д.

Подводя итоги заседания секции, Ю. В. Арутюнян отметил, что возникающие в различных регионах болевые точки требуют пристального внимания всех обществоведов, в том числе и этносоциологов. В связи с этим весьма принципиальным становится, например, вопрос об уточнении существующей классификации народов и наций, дифференциации статусов союзных и автономных республик и т. д. Требуют определенного изменения и конституции союзных республик, которые должны приниматься с учетом их специфики. В то же время такие изменения не должны становиться самоцелью. Ю. В. Арутюнян призвал ученых, занимающихся изучением современных национальных и региональных процессов, абстрагироваться при исследованиях от своей национальности, быть объективными и видеть социальные процессы такими, каковы они есть. Своими работами ученые всех республик должны способствовать оптимальному решению национальных проблем с учетом их региональной специфики.

Соответствующие рекомендации секции нашли отражение в общих решениях конференции.

В. К. Малькова

**ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА
И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ
СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА»
(Звенигород, 20—23 ноября 1988 г.)**

Конференция была организована Отделением истории и Институтом этнографии Академии наук СССР при участии республиканских академий наук Среднеазиатско-Казахстанского региона и вовлекла широкий круг специалистов — историков, археологов, лингвистов, этнографов, антропологов. Заседания проходили дважды в день в течение четырех дней в помещении Звенигородского пансионата АН СССР. (Накануне конференции были изданы тезисы докладов «Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана». Тезисы докладов Всесоюзной конференции. М., 1988).

Открывая конференцию, акад. АН СССР Ю. В. Бромлей (Москва) остановился на методических вопросах этногенетических исследований: соотношении этногенеза и этнической истории, этногенеза и этнических процессов. Он подчеркнул острую актуальность изучения проблем этногенеза и этнической истории народов в связи с обострившейся этнической ситуацией в мире, призвал ее участников объективно и всесторонне рассматривать вопросы, связанные с этногенетическими процессами в Средней Азии и Казахстане, подчеркнул теснейшую связь истории народов региона, многокомпонентность этногенеза каждого народа и сложность его этнической истории.

На первом заседании (20 ноября, утро) было заслушано шесть докладов. Б. А. Литвинский (Москва) в докладе «Основные направления этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана в древности и средневековье» рассмотрел как общие методологические

аспекты комплексных исследований этногенеза народов региона на основе системного анализа самых различных источников, так и конкретные вопросы этногенеза, в частности, таджикского и узбекского народов. Докладчик справедливо критиковал исследователей, базирующихся на устаревших методических приемах и идеях и стремящихся в ряде случаев удревить этногенез того или иного народа, упростить развитие этнических процессов, развивавшихся в изменчивой полиэтнической среде и в сложных исторических условиях. Был дан обзор этногенетических процессов на территории Средней Азии и Казахстана, начиная с эпохи бронзы. Было подчеркнуто, что главная особенность этногенетических процессов в древней и средневековой Средней Азии заключалась в сложности, полиэтничности населения, в мозаичном, чересполосном расселении этносов и в обстановке постоянных миграций — при непрерывном притоке извне различных новых, преимущественно тюркоязычных этнических компонентов.

В. М. М а с с о н (Ленинград) в докладе «Культурогенез и этногенез в Средней Азии и Казахстане в древнюю эпоху» говорил об острых, а порой и болезненных вопросах, связанных с проблемами происхождения отдельных народов региона и их культурного наследия. Докладчик призвал археологов в большей мере использовать разработки этнографов при интерпретации своего материала, не содержащего прямой этнографической информации. Касаясь конкретной этноисторической проблематики, он высказал предположение о формировании бактрийской, парфянской, согдийской и хорезмийской народностей как этносоциальных организмов еще в эпоху рабовладельческих отношений. Именно тесное взаимодействие этих общностей между собой и с культурами степных кочевых объединений определило генеральную линию этногенетических процессов в регионе. Первоочередной задачей дальнейших исследований является изучение (используя блестящие открытия археологов) культурогенеза, трансформации, взаимодействия и взаимообогащения древних культур.

М. С. А с и м о в (Душанбе) в докладе «Историко-культурные аспекты этногенеза народов Средней Азии» связал проблему этногенеза таджиков с процессами формирования и развития их языка в IX—X вв. на территории саманидского государства в Сеистане, Хорасане и Мавераннахре.

Т. К. Х о д ж а й о в, А. А. А с к а р о в и Ю. Ф. Б у р я к о в (Самарканд) представили доклад «Новые археологические и антропологические материалы к этнической истории народов Средней Азии», где внимание акцентировалось на палеоантропологическом материале, охватывающем широкий хронологический период — от неолита до средневековья. Для эпохи неолита и ранней бронзы на территории Средней Азии выделено два основных антропологических пласта — протоевропеоидный (андроновский) на севере и средиземноморский — на юге. Последний тип в эпоху бронзы был неоднороден и включал три основных варианта. В эпоху раннего железа в составе скотоводческого населения впервые фиксируется монголоидная примесь и появляется обычай искусственной деформации головы. Возникновение нового комплекса антропологических признаков позволяет предполагать миграцию степных скотоводов на юг во второй половине I тыс. до н. э. В раннем средневековье археологические материалы фиксируют продвижение степных племен в глубь Средней Азии, но доля монголоидного компонента у населения Средней Азии все еще невелика; она сильно возрастает в IX — начале XIII вв. Продвижение в XVI—XVII вв. в оазисы Средней Азии больших групп даштикыпчакских тюркских племен подтверждается археологическими и антропологическими материалами.

И. В. П е р е в о з ч и к о в (Москва) в докладе «Современные антропологические типы Средней Азии. Их классификация и происхождение» отметил, что антропологические типы Средней Азии сложились в результате как межрасового, так и внутрирасового смешения. Значительное климато-географическое и культурно-хозяйственное членение региона способствовало процессам микродифференциации. Генофонд современного населения по большей части представляет собой результат смешения южных европеоидов со «среднеевропейцами» и монголоидами. В состав южносибирской расы, видимо, вошли относительно депигментированные европеоиды.

Доклад Н. Н. Н е г м а т о в а (Душанбе) «О концепциях и хронологии этногенеза народов Средней Азии в средние века и новое время» вызвал полемику. Таджики, по его мнению, сформировались на базе аборигенных древних ираноязычных народов Средней Азии в начале средневековья, он подчеркнул, что этногенез тюркоязычных народов начался позднее, на базе переселившихся из Центральной Азии в результате постоянных миграций и завоевательных походов тюркских кочевых скотоводческих племен, образовавших в Средней Азии государственные объединения. Консолидация тюркоязычных народов происходила в условиях их оседания, освоения земледельческого опыта и традиций, систематической ассимиляции таджикского населения. Было отмечено, что если концепция этногенеза таджиков детально разработана (труды А. М. Мандельштама, Б. Г. Гафурова, Н. Н. Негматова), то в изучении этногенеза тюркоязычных народов наблюдаются большие недостатки: неразработанность научных концепций, неизученность миграционной истории, необоснованные тенденции удревления этногенеза и др.

В развернувшейся затем дискуссии по заслушанным докладам Г. Е. М а р к о в (Москва) сказал, что этногенетические исследования пока еще не имеют системного характера, преобладает эволюционный подход, мало разрабатываются проблемы диффузии. Необходимо отказаться от тенденции к возвеличиванию своих предков в ущерб другим народам. К. Ш. Ш а н и я з о в (Ташкент) выразил несогласие с утверждением Б. А. Л и т в и н с к о г о о завершающем этапе этногенеза узбеков в XV—XVI вв. Он подчеркнул, что узбекский народ старше своего имени и складывался уже в VIII—X вв., а затем в государстве Караханидов. Б. А. А х м е т о в (Ташкент) отметил, что этноним «узбек» принесли даштикыпчакские племена, однако более ранние тюркоязычные племена были здесь гораздо многочисленнее растворившихся в их среде пришельцев XVI века, поэтому история народа действительно древнее его названия и отличается сложностью. М. В. К р ю к о в (Москва) отметил, что декларированные достижения науки в области этногенеза

и этнической истории зачастую оказываются мнимыми. Комплексность в подходе к разработке проблем этногенеза выражается лишь в перечислении различных факторов, в то время как в реальности имеются плохо сопоставимые данные различных наук (к примеру, антропологии и письменных источников, к стати, по последним можно получить сведения о самоназвании, что выдвигает этот вид источников на первый план). Историзм складывается из анализа синхронных срезов различных источников. Сейчас наиболее остры споры о времени формирования того или иного народа. Надо изучать компоненты, вошедшие в данный народ, а главное — необходимо выработать критерии: какие признаки могут свидетельствовать, что народ сформировался? Пока еще по-прежнему на исследователей давит сталинское определение нации. Между тем, споры будут плодотворными лишь в том случае, если удастся научно установить, какие признаки определяют сложение народа. О необходимости системного анализа в этногенетических исследованиях говорили далее многие выступавшие.

После перерыва, на втором заседании, было зачитано 6 докладов. С. Г. К л я ш т о р н ы й представил доклад «Древнетюркские этнополитические объединения и их значение в этногенезе Средней Азии и Казахстана», подготовленный им в соавторстве с Д. Г. С а в и н о в ы м (оба — Ленинград). Докладчики связывают очаги тюркского этно- и глоттогенеза с восточным ареалом Евразии — Центральной Азией и Южной Сибирью. Авторы выделили четыре основные древнетюркские группировки — собственно тюркскую, огузскую, кыргызскую и кыпчакскую, которые со временем консолидировались и превратились в очаги формирования новых этносов.

И. В. П ь я н к о в (Душанбе) в докладе «Некоторые вопросы этнической предыстории таджикского народа» сделал попытку выделить особую промежуточную этнолингвистическую центральноиранскую общность наряду с известными западно- и восточноиранскими группами этносов. Территория этой древней общности совпадает с исторически засвидетельствованным ареалом расселения таджиков. Хотя прямой и непрерывной преемственности между ними не было, многие явления культуры таджиков уходят корнями в эту общность. Культурным памятником центральноиранской общности является Авеста и примыкающая к ней более поздняя зороастрийская литература. К центральноиранской общности применим и этноним «арья» (греческое «арианы»). Центральноиранские языки, возможно, продолжали существовать и в более позднее время. Доклад Н. А. Б а с к а к о в а (Москва) «Основные исторические этапы формирования тюркских языков народов Средней Азии и Казахстана» по поручению автора зачитал Д. С. Н а с ы р о в. Выделено 6 эпох развития этих языков: алтайская, хуннская (до V в. н. э.), древнетюркская (VI—IX вв.), среднетюркская (IX—XV вв.), новая (XV—XIX вв.) и новейшая эпоха консолидации современных тюркских национальностей. На развитие тюркских языков Средней Азии оказал большое влияние уйгуро-карлукский язык Караханидского государства (XI—XII вв.), развившийся на основе согдийской, а позже арабской письменности; так сложился среднеазиатский литературный язык тюркк, из локальных вариантов которого в послемонгольский период формировались основы языков каждого из тюркских народов региона.

Б. А. А х м е д о в (Ташкент) в докладе «Значение письменных источников в изучении этнической истории народов Средней Азии и Казахстана» подчеркнул, что работа по переводу и изданию ряда древнегреческих, римских, арабских, персидских, тюркских, китайских и прочих авторов развернута недостаточно. Между тем в различных источниках от Авесты до сообщений средневековых путешественников и восточных арабоязычных, персоязычных и тюркоязычных авторов, содержатся ценнейшие сведения о народах, их нравах и обычаях.

В докладе «К вопросу о тюркоязычных компонентах в сложении узбекской народности» К. Н. Ш а н и я з о в (Ташкент) подчеркнул, что историческими предками узбеков, как и многих других народов Среднеазиатско-Казахстанского региона, были древние обитатели оазисов и степей — саки, массагеты, согдийцы, тохары, хорезмийцы и др. Процесс проникновения тюркоязычных групп в Среднюю Азию начался в первом тысячелетии н. э. Это был и процесс смешения их с ираноязычным населением. Для этногенеза узбекской народности в эпоху раннего средневековья важным этапом явились проникновение и внедрение в оазисы Средней Азии карлукских, огузских и кыпчакских этнических элементов, сыгравших существенную роль в сложении узбекского языка и этноса, основное ядро которого формируется в IX—X вв. и позднее в рамках Караханидского государства.

В докладе Н. Э. М а с а н о в а (Алма-Ата) «Этногенез казахов: проблемы этнической преемственности» были освещены, главным образом, экологические аспекты этногенетических процессов на территории Казахстана. Основной тезис докладчика — этногенетические процессы были обусловлены прежде всего непрерывным и преемственным, начиная с эпохи бронзы, функционированием системы материального производства кочевников-скотоводов, и, следовательно, кочевой тип хозяйственной деятельности является главным этнообразующим фактором, язык — второстепенным. Выдвигается идея о существенных различиях в этногенетических процессах между кочевниками степной зоны и полуседлым скотоводческо-земледельческим казахским населением так называемых маргинальных зон. В дискуссии по этому докладу Б. А. Л и т в и н с к и й и Б. Х. К а р м ы ш е в а отметили неправомочность исключения маргинальных зон при рассмотрении этногенеза казахов.

В сообщении А. П. П е с т р я к о в а (Москва) «Геногеография системы АВО населения юго-востока Средней Азии как отражение взаимодействия различных этнических и расовых компонентов» освещалось распределение частот генов крови у современного населения. Обнаруженная клинальная изменчивость генов у населения долин р. Исфары (Сев. Таджикистан) и р. Гунт (Западный Памир) трактуется как результат метисации оседло-земледельческого населения с популяциями даштикипчакских кочевников.

В развернувшейся по этому циклу докладов дискуссии Г. А. Федоров-Давыдов (Москва) высказал сомнения по поводу правомочности корреляции археологических культур и языков в глубокой древности. Он подчеркнул, например, глубокие различия между таштыкской культурой и культурой средневековых киргизов и хакасов. Для тюркских народов до V—VI вв. н. э. соотношение археологической культуры и этноса выглядит крайне гипотетичным. По поводу этнонима «узбек» было сказано, что он восходит к Золотой Орде («войны Узбека» — это XIV век.). Здесь имеет место такое типичное явление, как перенесение имени давно умершего великого хана на все государство. В данном случае имя хана было перенесено именно на восточную часть кипчаков, а не на западную, потому что в западной части Золотой орды все перекрыл более древний этнимом «татары».

Ю. Я. Якубов (Душанбе) высказал замечания по докладу Б. А. Ахмедова и его книги «Государство кочевых узбеков», в частности, упрекнув его в искусственном удревнении этногенеза узбекского этноса и неправильном отождествлении тюрков и туров (последние — древнеиранские, а не тюркские племена). Ю. Я. Якубов не согласен также с тезисом Б. А. Ахмедова (со ссылкой на арабского автора Табари) в том, что основное население Бактрии, Бухары, Шаша и Ферганы в VII—VIII вв. было тюркоязычным. У Табари таких данных нет. По мнению докладчика, в период арабских завоеваний тюрки жили в Семиречье, откуда приходили в Мавераннахр для оказания военной помощи против арабских захватчиков, а затем возвращались на родину.

Б. И. Маршак (Ленинград) отметил, что при изучении исторических этнонимов и соотношения их с названиями этносов необходимо иметь в виду, что в прежнее время их реальное содержание отличалось от нынешнего. Термины *узбек* и *таджик* еще долгое время после своего возникновения не обозначали этническую принадлежность. В некоторые периоды слово «таджик» употреблялось в широком смысле в качестве противопоставления немусульманам, позднее — тюркам. В работах О. А. Сухаревой и Б. Х. Кармышевой приводятся данные о существовании у таджиков других самоназваний. Несмотря на древние культурные традиции, таджики и узбеки осознали себя как этносы только в XX в. До этого времени их этническое развитие шло по иному пути, складывались локальные общности, включающие тюрко-таджикские компоненты. Поэтому не надо резко противопоставлять эти народы; в их истории и культуре больше объединяющего, чем разъединяющего.

Третье заседание утром 21 ноября открылось докладом К. И. Петрова (Фрунзе) «Этнокультурная среда формирования основной группировки племен киргизской народности», в котором автор высказал свои взгляды на проблему этногенеза киргизов.

О. И. Исмагулов (Алма-Ата) в докладе «Антропология Казахстана и вопросы этногенеза казахского народа» суммировал результаты многолетних антропологических исследований в республике. Он рассмотрел дифференциацию современных казахов по признакам различных систем, выявил антропологические компоненты, вошедшие в состав казахских популяций, проследил динамику расогенетических процессов в позднем средневековье и роль этого периода в сложении антропологического состава современных казахов.

Доклад Б. И. Маршак (Ленинград) «Проблемы происхождения согдийской культуры» был построен на изучении археологических и письменных источников, относящихся к широкому хронологическому периоду — от эпохи неолита до средневековья, в течение которого исторические судьбы населения территории Согда определялись сочетанием культурных черт, связанных как с миром древнейших земледельческих цивилизаций, так и с их «варварской» периферией. Культурогенез таджиков связан со временем, последовавшим после арабского завоевания Средней Азии. В средние века население Согда внесло большой вклад в становление и развитие культуры таджикского народа. Тюрки, по свидетельству письменных источников, в VII—VIII вв. не только приходили в Согд во время военных походов, но и обитали там.

Г. Л. Хитъ (Москва) рассмотрела расо- и этногенетические связи населения Средней Азии по данным кожных узоров кисти. Дифференциация населения в общих чертах совпадает с картиной антропологического состава по данным расовой соматологии. При этом дерматоглифика свидетельствует о тесном генетическом родстве таджиков, туркмен и узбеков, образующих так называемый среднеазиатский тип, не имеющий аналогий в дерматоглифической систематике. Его основу составляет южноевропейский расовый компонент с заметной примесью монголоидного и индоавстралоидного (веддоидного) компонентов. Ближайшие аналогии этому типу локализованы в Передней Азии, на Кавказе и на юге Аравии. Таким образом, положение среднеазиатского региона на стыке нескольких историко-географических областей отразилось в сложной системе расо- и этногенетических связей населяющих его народов.

Большой интерес слушателей вызвал доклад Ф. Д. Люшкевич (Ленинград) «Некоторые аспекты этнической истории Среднеазиатского Междуречья». Исследование исторической динамики этнонимов *сарт*, *тат*, *таджик*, *тюрк*, *узбек*, предпринятое докладчиком на материале письменных источников и этнографических наблюдений, показало, что в многовековом взаимодействии двух культур (оседлой и кочевой) каждый из этих терминов был связан не столько с этнической и языковой, сколько с культурной, социальной и политической характеристиками их носителей.

Т. П. Княткина (Душанбе) прочла доклад «К вопросу о расовых типах населения Тохаристана». Антропологические типы здесь были разнообразны и не связаны со столь же разнотипными обрядами захоронений. Расовый тип, характерный для предшествующей эпохи (долихокранный и узколицый) в Тохаристане и Бактрии почти исчезает в последние века до н. э., сохраняясь лишь местами в виде отдельных вкраплений.

Л. Т. Яблонский (Москва) построил доклад «Население раннесакского времени в Южном Приаралье: археолого-палеантропологический подход к проблеме этногенеза» на исследованных им археологических и краниологических материалах из Присарыкамышья. С учетом таксономического веса признаков материальной культуры и их соотношения с иерархическим положением древних

популяций Приаралья была построена этногенетическая модель и сделан вывод о различном происхождении двух групп населения раннесакского времени в Южном Приаралье, стоявших у истоков процесса культурной, а, возможно, и этнической консолидации.

В выступлении А. С. Давыдова (Душанбе) освещался вопрос о формировании культурной общности на обширной этнической территории таджиков, существование которой подтверждается археологическими и этнографическими материалами и письменными источниками. В частности, к такому выводу приводит изучение терминов и элементов культуры таджиков, например, похоронных и поминальных обрядов и обычаев, древние корни которых отражены в зороастрийских запретах. В. П. Яйленко (Москва) посвятил выступление палеоазиатскому компоненту в населении Средней Азии в древности, выявляемому с помощью языковых данных. Он полагает, что во II—I тыс. до н. э. здесь и в Южном Прикаспии обитали предки обских угров и самодийцев, составившие древнее досубстратное население Средней Азии и вытесненные затем ираноязычным населением.

В прениях выступило несколько человек. В. М. Массон, как и другие, отметил высокий уровень разработок антропологов и некоторое отставание от них историков и археологов, в частности, недостаточную разработанность унифицированного понятийного аппарата, неполное использование исторических источников. А. Джалилов (Душанбе) указал на широкий спектр специалистов, участвующих в конференции, отметив нехватку исследований по классической лингвистике. Между тем влияние различных этнических компонентов, вошедших в состав, например, таджикского народа, могли бы определить именно лингвисты. И. В. Первозчиков (Москва) выразил сомнение в пребывании предков самодийцев в Средней Азии в I тыс. до н. э., о чем говорил В. П. Яйленко, так как палеоантропологические данные не зафиксировали здесь монголоидный компонент в эту эпоху.

Четвертое заседание (21 ноября) началось докладом Г. А. Федорова-Давыдова «Этнические процессы в Средней Азии и Казахстане в XIV—XV вв. (Этнос и феодальное государство)». По мнению докладчика, тезис о завершенности этногенеза народов Средней Азии к XIII в. нуждается в уточнении. В силу многих исторических обстоятельств (монгольское завоевание, исторические миграции, усиление кочевого тюркского элемента в Средней Азии и др.) в XIII—XIV вв. возрастают различия в составе кочевого населения оседло-земледельческих оазисов и городов.

Доклад Б. Е. Кумекова (Алма-Ата) был посвящен анализу этнического состава кыпчаков XI — начала XIII в. по данным арабских средневековых источников. Убедительные доводы в пользу наличия в этническом составе средневековых кыпчаков татаро-монгольского компонента, по мнению докладчика, отсутствуют. В то же время источники позволяют говорить о вполне конкретных фактах этнокультурных и этнополитических контактов между кыпчакскими и татаро-монгольскими племенами. Б. Е. Кумеков рассматривает куманов как самую западную ветвь куманокыпчакского объединения племен и отрицает общепринятое мнение о тождестве кыпчаков и куманов.

В докладе А. М. Мокеева (Фрунзе) «Этапы этнической истории киргизского народа на Тянь-Шане» рассматривались этногенетические процессы с XV в., когда киргизские племена переселились из Прииртышья и Горного Алтая в Тянь-Шаньскую горную страну. К концу XV в. здесь из двух крупных общностей (*онг канат* и *сол канат*) сформировалась потестарная этнополитическая родоплеменная структура. По мнению автора, именно в рамках этой дуальной этнополитической структуры созревало общее этническое самосознание, которое нашло отражение в общекиргизских генеалогических преданиях. Исламизация населения способствовала дальнейшим процессам консолидации.

С. М. Ахинджанов (Алма-Ата) в докладе «Этнографические связи племен Казахстана и Центральной Азии в средние века (кимаки и кипчаки)» на основе анализа письменных источников (Тамим ибн Бахра, Гардизи, Идриси и др.) выдвинул версию о том, что кимаки сформировались в Северо-Восточной Монголии и в западной Маньчжурии, где были известны под именем кумо-си и уранкаи. Свое происхождение они ведут от протомонгольского сяньбийского племенного союза. На рубеже I и II тыс. н. э. кимаки подверглись тюркизации со стороны преобладавших в степи кыпчаков и йемеков, но сохранили в известной степени свое положение в составе кыпчакского племенного союза, который с XI в. распространил свое влияние на обширную территорию Дешт-и-Кыпчак от Иртыша до Волги. Средневековые кимаки сыграли роль «монголоязычной струи» в этногенезе тюркоязычных этносов, особенно казахов.

Л. М. Левина (Москва) зачитала доклад «Памятники джетыясарской культуры в свете этнической истории Средней Азии (середина I тыс. до н. э.— VIII в. н. э.)». Эта культура локализовалась в дельте Сырдарьи, на территории, которая являлась местом традиционных зимовок, и, вместе с тем, своеобразным перекрестком путей передвижения различных скотоводческих групп, зоной контакта между скотоводами и земледельцами оазисов Средней Азии и Казахстана. Сложный культурогенез джетыясарцев проходил на фоне постоянного взаимодействия с иными племенами, в том числе гуннского происхождения. При этом джетыясарское население и само оказывало значительное влияние на пришлые группы, постоянно смешивалось с ними. Одновременно влияние джетыясарской культуры отчетливо прослеживается в более южных областях Средней Азии и Казахстана. Носители джетыясарской культуры сыграли заметную роль в культурной и этнической истории многих народов Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Северного Кавказа и некоторых других регионов.

В докладе С. К. Караева (Ташкент) «Иранско-тюркские топонимические параллели Средней Азии» было отмечено преобладание и древность иранской топонимики в Средней Азии. В Таджикистане наблюдается сохранение иранских топонимов двух уровней (древних восточно-

иранских и таджикских). С появлением тюркоязычного населения (с первых веков н. э.) начался процесс формирования тюркской топонимики, которая частично наложилась на иранскую, что в ряде случаев привело к бытованию двойной номенклатуры. Нередко в новом тюркском названии сохранялось прежнее смысловое содержание топонима. Наблюдается и взаимное проникновение иранских названий в тюркоязычную среду и наоборот.

Г. В. Рыкушина (Москва) на одонтологическом материале рассмотрела особенности расогенеза на территории Средней Азии от эпохи бронзы до современности, выявила преемственность населения эпохи бронзы, античности и средневековья. Однако на последних этапах этнической истории народов региона прослеживается появление новых одонтологических комплексов, у некоторых наблюдаются и черты, характерные для уральской расы. В выступлении по этому докладу Л. Т. Яблонский отметил историческую значимость полученных выводов. В частности, пристального внимания заслуживают данные об одонтологической гетерогенности населения Джаркутана (эпохи бронзы) и о возможном присутствии здесь компонента, имеющего северное происхождение. В то же время необходима осторожность в интерпретации данных, полученных на недостаточно представительном материале.

Б. Д. Кочнев (Ташкент) сообщил о результатах исследования данных нумизматики, подтверждающих, по его мнению, тюркизацию Мавераннахра при Караханидах.

Выступление Л. К. Гудковой (Москва) было посвящено физиологической адаптации современного коренного населения Средней Азии. Средние уровни признаков, характеризующие отдельные метаболические свойства организма в различных этнических группах, живущих в разных экологических зонах, идентичны. Это означает, что население Средней Азии в течение длительного периода времени пришло к состоянию адаптированности.

Пятое заседание (22 ноября, утро) открылось докладом Р. Г. Кузеева (Уфа) «Опыт системного подхода к изучению этнической истории многонационального региона (на примере Волго-Уральской историко-этнографической области)». Докладчик обратил внимание на то, что преобладание моноэтнических исследований привело к несогласованности исторических реконструкций этногенетических процессов, формированию этноцентристских взглядов на историю некоторых народов и их культур. Более перспективным представляется изучение исторических взаимодействий этносов в рамках историко-этнографических областей (ИЭО). К таким областям относится, в частности, Волго-Уральская ИЭО. На большом историко-этнографическом материале автор, используя системный подход, выявил ряд ступеней этносоциального развития Волго-Уральской ИЭО — от племенных народностей к раннефеодальным и феодальным тюркским (башкиры, волжские татары, чуваша) и финно-угорским (мордва, мари, удмурты) народностям.

Л. А. Чвырь (Москва) в докладе «Одна актуальная проблема традиционной этнографии Средней Азии и Казахстана» призвала участников конференции изучать не только «малые» (внутриэтнические) этнографические группы, но и «большие» этнографические общности — население историко-культурных областей Среднеазиатско-Казахстанского региона. Анализ материалов по среднеазиатским ювелирным украшениям позволил выделить на территории Средней Азии и Казахстана пять крупных локально-этнографических зон, включающих разноэтническое население.

Б. В. Андрианов (Москва) в докладе «Этническая история и хозяйственно-культурное развитие древних и средневековых народов Средней Азии и Казахстана» обратил внимание на недостаточную разработку проблемы исторического взаимодействия ираноязычных и тюркоязычных народов, подверг критике тезис А. Н. Бернштама о полном совпадении процессов формирования ХКТ кочевников и тюркского этногенеза. Эти процессы следует рассматривать раздельно, опираясь как на лингвистические (Т. Гамкрелидзе, Вяч. В. Иванов, В. И. Абаев), так и на археологические исследования (С. П. Толстов, В. М. Массон, А. Аскараров, В. И. Сариниди и др.). Хозяйственно-культурные процессы в древности развивались конвергентно, а в раннем средневековье стали преобладать дивергентные процессы.

Е. Е. Неразик (Москва) в докладе «Приаралье: экологические аспекты этнического развития» отметила, что как известно роль природных условий в формировании древних этнических общностей чрезвычайно велика. Экологическая специфика Приаралья состоит прежде всего в том, что здесь сложилась только одна оседлоземледельческая древняя цивилизация в окружении степных племен и поэтому взаимодействие земледельцев и скотоводов составляло основу этнических процессов. Устанавливается, что в Южном Приаралье в ходе этих процессов определенное стабилизирующее действие оказывали такие факторы как длительное сохранение общин (благодаря ирригационному земледелию), их экономическая замкнутость и полунатуральный характер, прочность родственных внутренних связей, в Восточном Приаралье — комплексное скотоводческо-земледельческо-рыболовецкое хозяйство, обусловившее глубокую традиционность культуры и препятствовавшее углублению разделения труда. Наряду с другими факторами, эти обстоятельства способствовали сохранению яркой этничности и самобытности культуры Хорезма и Восточного Приаралья в древности. Начиная с периода раннего средневековья вместе с развитием производящего хозяйства в степях и феодальных отношений в Хорезме картина резко меняется. Но и активные этнокультурные контакты эпохи средневековья не смогли стереть до конца этническое своеобразие древнего субстрата, проявившееся и много веков спустя в процессе становления новых тюркоязычных средневековых народностей.

Формированию группы чагатаев южного склона Гиссарского хребта и его отрогов Байсунтау и Кугитанг был посвящен доклад Б. Х. Кармышевой (Москва) «Особенности этнических процессов в горной зоне». Население горных зон издавна было связано с жителями оазисов и кочевой степи. Длительное культурное взаимодействие, в частности, горных таджиков бассейна Кашкадарьи и Сурхана и тюрков — потомков тюркского населения Тимуридского государства

привело к формированию группы таджиков (самоназвание чагатай), частично перешедших на узбекскую речь. Эта группа обладала общностью культуры; она сохраняла хозяйственные и бытовые связи с тюрками, что отразилось и в их бытовой культуре. Другая группа таджико- и узбекоязычных чагатаев (бассейна Шарабаддарьи и Кугитанга), живя в тесном соседстве с кунгратами, восприняла некоторые черты их хозяйства и быта. Сходные процессы этнокультурного взаимодействия населения горной зоны с населением других природных зон были характерны для всей Средней Азии.

Вступительную часть своего доклада «Роль экологических факторов в формировании этнической территории (по материалам из Восточного Прикаспия и Приаралья)» Б. И. Вайнберг (Москва) посвятила характеристике культурно-исторической ситуации региона по новейшим археологическим исследованиям. В эпоху раннего железа на территории к западу от Присарыкамышской впадины и на Узбое проживали подвижные группы скотоводов-пастухов. В Присарыкамышской дельте Амударьи в VII—VI вв. до н. э. сформировалась культура оседлых скотоводов, которая оказала существенное влияние на ход этногенетических процессов в левобережном Хорезме. Дельта Сырдарьи являлась традиционным местом зимовий подвижных скотоводов. С учетом экологических характеристик в исследуемом регионе Б. И. Вайнберг выделяет двенадцать хозяйственных районов, составивших три обширные области.

Р. М. Юсупов (Уфа) проанализировал расогенетические связи Юж. Урала и Средней Азии в эпоху бронзы. Он обнаружил краниологическую неоднородность населения Приуралья, причем один из компонентов имеет средиземноморский облик и, видимо, южное происхождение. Савроматы и ранние саки Южного Приуралья генетически не связаны с населением срубной культуры, но входят составной частью в круг антропологических форм сако-усуньской общности (VII—II вв. до н. э.), особенно тесно сближаясь с саками Приаралья. В дискуссии по этому докладу Л. Т. Яблонский остановился на морфологическом сходстве населения срубной культуры Южного Приуралья с одним из расовых компонентов сакской культуры Приаралья. Упомянув в связи с этим и другие краниологические материалы, он связал все данные с гипотезой о миграции индо-иранских племен на юг в эпохи поздней бронзы и раннего железа, напомнил об установленных лингвистами угро-финских заимствованиях в иранском языке, отметил яркие проявления культурных и генетических связей южноприуральского и южноприаральского населения и в последующие исторические периоды.

В докладе Н. А. Дубовой (Москва) «Антропологический состав населения Средней Азии и пути его формирования» была показана неоднородность антропологического состава современных таджиков, узбеков и туркмен. Зафиксированный полиморфизм в значительной мере согласован с различиями между локальными группами по этнографическим характеристикам и историей сложения. Докладчица подчеркнула сложность и неоднозначность выделения тех или иных расовых комплексов на территории Средней Азии (в частности, расы Среднеазиатского или Ирано-каспийского).

Г. К. Ходжайова (Самарканд) сообщила о предварительных результатах изучения дерматоглифики узбеков Северного и Центрального Узбекистана, которое является частью обширного одонтологического и дерматоглифического исследования, проводимого Ин-том археологии АН УзССР.

В кратком, но ярком, иллюстрированном слайдами выступлении Э. А. Новгородова (Москва) познакомила присутствующих с оленними камнями, обнаруженными ею в степной Монголии. Наиболее древние из них датируются эпохой поздней бронзы. По заключению докладчицы, «звериный стиль» приходит к населению раннесакского времени Казахстана именно из Западной Монголии, а сама культура оленних камней связана с ираноязычными племенами, европеоидными по расовому типу.

В развернувшейся дискуссии Б. Е. Кумеков, полемизируя с С. М. Ахияновым, в соответствии с данными 28 персидских и арабских источников отстаивал тюркскую принадлежность кимаков. Он отметил также методическое совершенство доклада Р. Г. Кузеева. О. К. Кареев высказал несогласие с мнением К. И. Петрова и А. М. Мокеева об этногенезе киргизов. Их кимако-кыпчакское происхождение не подтверждается; письменные и археологические источники свидетельствуют о переселении енисейских киргизов на Восточный Тянь-Шань в IX—X вв. Это один из важных факторов формирования киргизов. Р. Г. Мукминова подчеркнула необходимость при изучении этнической истории уделять больше внимания историческим дружественным связям (хозяйственным, культурным и торговым) между народами Средней Азии, особенно между тюрками и иранцами. А. С. Давыдов высказал несогласие с прозвучавшей в выступлениях мыслью о том, что в прошлом этноним *таджик* имел не этнический, а культурный или социальный смысл (противопоставление городского оседлого населения тюркам-кочевникам).

Б. Х. Кармышева указала на некорректность употребления при исследовании ранних эпох названия современных республик, вместо которых лучше использовать географические названия.

Шестое заседание (22 ноября, вечер) началось докладом М. Аннанепесова и А. Джикиева (Ашхабад) «Этнические процессы в Туркменистане в XVI—XVIII вв. по историко-этнографическим и архивным данным». Авторы отметили узловые исторические моменты этого периода, в частности массовые миграции XVI—XVII вв. крупных туркменских племен — текинцев, йомудов, салыров, эрсарий, сарыков, сакаров и др. из Северо-Восточного Прикаспия в Хивинский оазис, в Приамударьинские районы, в Ахальский, Атекский, Мургабский оазисы. В тот же период (XVI—XVIII вв.) часть туркмен откочевала в Нижнее Поволжье, на Урал, Северный Кавказ, часть — в Мавераннахр, в пределы Ирана и Афганистана. Этнические, в том числе ассимиляционные процессы, связанные с этими перемещениями, сыграли важную роль в изменениях антропологиче-

ского типа, материальной и духовной культуры туркмен и явились заключительным этапом формирования этого этноса.

Возможности такого этнографического источника как шаманский культ были продемонстрированы в докладе В. Н. Б а с и л о в а (Москва) «Два варианта среднеазиатского шаманства (этнографические материалы как источник для изучения этнической истории региона)». Докладчик осветил особенности шаманства в регионе и выделил два его комплекса, которые им названы в соответствии с кругом охваченных народов «тюркским» («скотоводческим») и «таджикским» («земледельческим»). Однако между ними нет четких границ: некоторые черты «тюркского» комплекса обнаруживаются в «таджикском» и наоборот. Это обусловлено общностью многих этнических компонентов в длительном культурном взаимодействии народов региона.

Г. П. В а с и л ь е в а (Москва) прочла доклад «Ювелирные украшения как источник для этногенетических исследований (по материалам Туркмении)». Локальные различия в характере и форме женских туркменских украшений позволили разделить их на две группы. В первой прослеживаются скифо-сармато-аланские черты и сходство с украшениями древнего населения Поволжско-Северокавказского региона и его сармато-аланских предков. Эта группа также имеет общие черты и с древнетюркскими, в том числе с кипчакскими украшениями. Вторая группа также тяготеет к кипчакскому этническому пласту, но в большей степени, чем первая, связана с древними украшениями «общесреднеазиатского» характера. В то же время украшения обеих групп имеют ряд общих черт с украшениями каракалпаков, западных казахов, узбеков, в некоторой мере — таджиков.

В докладе Т. А. Ж д а н к о (Москва) «Этническая история и историкокультурные связи народов Средней Азии и Казахстана в трудах этнографов» было отмечено, что после сессии по этногенезу народов Средней Азии, состоявшейся в Ташкенте в 1942 г., когда впервые эта проблема рассматривалась как общерегиональная и комплексная, вопросы этногенеза продолжали изучаться; актуальность их была связана с подготовкой среднеазиатских томов серии «Народы мира», многотомных «Историй» народов в республиках региона и др. Накопление новых материалов продолжалось в 1950-х — 1960-х гг. многолетними комплексными археолого-этнографическими экспедициями, которые способствовали организации двух общесоюзных совещаний по этногенезу — киргизов (1956 г., Фрунзе) и туркмен (1967 г., Ашхабад). На базе собранного богатейшего материала был создан ряд этнографических трудов, освещающих этногенетические и историко-культурные процессы, этническую историю народов региона. Началом разностороннего историко-культурного исследования с 1970 г. стала работа над созданием «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана».

О. Б. Б а б а к о в (Ашхабад) в докладе «Этногенез туркменского народа по данным краниологии» сделал обзор материалов с территории нынешнего Туркменистана от эпохи неолита до современности. Раскопками последних лет заполнена фактологическая лакуна, относящаяся к разному средневековью. По данным многочисленных могильников, в это время обнаруживается исчезновение предшествовавшего долихо-мезокранного грацильного типа, уходящего корнями в эпоху неолита и бронзы, и появление брахикранных типов. Это предположительно связывается с татаро-монгольским завоеванием. В позднем средневековье происходит новая смена типа, как бы возврат к прежнему состоянию, что объясняется притоком южноевропейского населения из Хорасана.

Н. А. Д о л и н о в а (Москва) прочла доклад «Дерматоглифические данные к проблеме происхождения туркмен», подготовленный в соавторстве с Г. Л. Х и т ь. Обобщив все материалы, охватывающие свыше 3,3 тыс. чел., авторы выявили сходство туркменских групп по признакам кожного рельефа и их комплексу. У туркмен в наиболее четкой форме выражен среднеазиатский дерматоглифический тип. Установлены различия между полами, свидетельствующие о существенном несходстве антропологического состава мужской и женской половин выборок (женщины европеоиднее мужчин).

В выступлении И. Б. М о л д о б а е в а (Фрунзе) освещалась роль киргизского эпоса «Манас» как источника по этнической истории. В фольклоре киргизов обнаруживаются параллели с алтайскими народами, у которых сохранились предания о киргизах. Культура киргизов имеет, следовательно, южносибирские истоки.

И. В. П ь я н к о в (Душанбе) в выступлении высказал мысль о существовании мощной этнической струи, направленной из Центральной Азии в Среднюю и, по-видимому, далее на Запад, не только в начале н. э., но и, возможно, в IX—VIII вв. до н. э. Об этом свидетельствуют данные антропологии (появление монголоидных элементов в Приаралье), археологии (звериный стиль, оленные камни, некоторые черты погребальных обрядов), черты социального строя, данные топонимики, мифологический цикл. Все может быть связано с формированием восточноиранской этнической общности (скифы в широком смысле слова).

На последнем, седьмом заседании (23 ноября) развернулась дискуссия и подводились итоги. С. Г. К л я ш т о р н ы й (Ленинград) говорил о ценности компилятивных арабских средневековых источников и необходимости сочетать их показания с археологическими данными. В. П. М о к р ы н и н изложил свою позицию, в которой защищал концепцию этногенеза киргизов, изложенную в первом томе «Истории Киргизской ССР» (1984). М. В. К р ю к о в подчеркнул ведущее значение в иерархии этноопределяющих признаков этнического самосознания как главного показателя завершенности сложения этноса и предложил продолжить дискуссию вне рамок конференции. Л. Ф. М о н о г а р о в а говорила о процессе ассимиляции, конечной стадией которой считается перемена самосознания ассимилируемой группой. Однако есть и последующий этап, когда большой народ не будет выделять ассимилированный народ особым названием. Докладчица отметила, что арабы, таджики и др. народы, живущие в Узбекистане и записанные в паспорте узбеками, еще не ассимилированы и желают вернуть свою коренную национальную принадлежность.

О. И с м а г у л о в подчеркнул профессиональные трудности антропологов, при соотнесении биологической и исторической информации. Г. Л. Х и т ь остановилась на вкладе антропологов в проблематику конференции, особо подчеркнув последние достижения представителей этой науки во всех среднеазиатских республиках, кроме Киргизии. Необходимость системного анализа данных разных отраслей антропологии очевидна; впрочем, это касается не только антропологии. Р. Г. К у з е в говорил о судьбе болгар, о необходимости создания обобщающего труда по евразийской тюркской этнологии, о влиянии угров на этногенез тюрков, об изучении культурологических проблем, в том числе конфессионального фактора, сильно влияющего на этнические процессы. М. Н. А н н а н е п е с о в, подчеркнув разногласия между таджикскими и узбекскими коллегами во взглядах на этническую историю Средней Азии и культурологические проблемы, остановился на двух основных этапах этногенеза туркмен. Н. Н. Н е г м а т о в уточнил свои взгляды на формирование таджикского народа в составе государства Саманидов, отметив несущественность в этом процессе этнических связей с тюрками. Он также предложил возродить традицию организации конференций по этногенезу, для чего необходимо создать специальную, постоянную комиссию с освобожденным ученым секретарем. А. С. Д а в ы д о в говорил о необходимости устраивать региональные совещания по традиционной культуре Средней Азии и Казахстана поочередно в республиках этого региона. Б. А. А х м е д о в подчеркнул важность хотя бы неполной публикации письменных источников, так как источниковедение катастрофически отстает от уровня современных потребностей науки.

В. М. М а с с о н выразил мнение, что научный успех конференции перерастает в успех политический. Вместе с тем выявлены слабые места в методике и методологии; в частности, плохо налажена организация информации. Так, археологические данные часто используются в исследованиях по этногенезу лишь в иллюстративном аспекте. Необходимо моделирование этногенетических процессов, особо сложный случай которых мы имеем в Мавераннахре.

И. Б. М о л д о б а е в остановился на значении данных о родословных (шеджере) и фольклора в комплексных исследованиях этногенеза, сославшись, в частности, на топонимы «Манаса», охватывающие территорию от верховьев Амура до предгорий Кавказа. И. В. П е р е в о з ч и к о в подчеркнул необходимость проведения демографических и этнопсихологических работ, призвал усилить пропаганду вопросов этногенеза народов региона в школьных учебниках.

В. П. Я й л е н к о отметил недостаточную изученность древней истории Среднеазиатского региона и неправомерность ограничиваться лишь изучением тюрков и иранцев. Желательно привлечь лингвистов и синологов, т. к. китайские источники — кладезь информации. Б. А. Л и т в и н с к и й указал как на недостаток, что на конференции не прозвучал вопрос о памирцах, уйгурах и др. малых этносах Средней Азии. Письменные источники все же изучаются, сказал он, но необходим социальный заказ на высвечивание в них именно этногенетических сведений. Необходимо менять устаревшие стереотипы о начале этнической истории после завершения этногенеза. Правильнее говорить о нерасчлененности этногенеза и этнической истории.

Ю. В. Б р о м л е й в заключительном слове подвел итоги. Он отметил широкий характер конференции: здесь были представлены ученые из 11 городов Средней Азии, из Москвы, Ленинграда, Уфы; всего прозвучало 43 доклада и 6 научных сообщений, в дискуссии выступили свыше 40 человек. Возник живой обмен мнениями, результатами и идеями, с естественными разногласиями, особенно в методологическом плане. Одно из них связано с разработкой моделей этногенеза, где необходимо выделять разные фазы, и для разных народов эти фазы неодинаковы по значению. Этногенетические процессы можно разделить на 2 группы: 1) преобладание линейного развития (на одной территории); 2) преобладание нелинейного развития, когда решающую роль играют перемещения народов, и здесь происходит межэтническая консолидация парциллярные процессы и пр. О понятийном аппарате: идут споры о содержании терминов нация, народность. Но этноним возникает из политонима, топонима, названия части основного этноса. Сталинское определение нации несовершенно. Сейчас важным признаком нации считают самосознание. Другой, также не бравшийся в расчет признак, — наличие определенной социальной структуры. У народности по сравнению с нацией иная социальная структура. Этнические общности иерархичны, что следует иметь в виду, изучая этногенез.

На заключительном заседании была принята резолюция конференции, сокращенный вариант которой приводится ниже.

**Б. В. Андрианов, О. Б. Наумова,
Г. Л. Хить, Л. Т. Яблонский**

РЕЗОЛЮЦИЯ

Всесоюзная научная конференция в Звенигороде оказалась весьма полезной и достаточно продуктивной. Были проанализированы и обобщены результаты исследований за последние два десятилетия, намечены дальнейшие задачи по разработке проблем этногенеза и этнической истории народов региона. В ходе дискуссии произошло сближение точек зрения ученых. В ряде важнейших вопросов методологии и теории этногенетических исследований проявилось стремление к усилению взаимопонимания и сотрудничества между представителями смежных дисциплин и сторонниками различных концепций. Подчеркнуто, что достоверное раскрытие этнической истории региона во всей ее сложности и многообразии имеет тем большее значение, что исторические знания о

происхождении народов играют большую роль в развитии этнического сознания людей, оказывают существенное влияние на характер национальных отношений.

В 1970—80-е годы отечественной наукой были накоплены новые обширные материалы, привлекаемые к изучению этногенеза и этнической истории населения среднеазиатско-казахстанского региона. Особенно заметный прогресс наблюдался в области физической антропологии.

Вместе с тем отчетливо выявились недостатки, мешающие дальнейшему развитию исследований: все еще распространенный моноэтнический подход к познанию этногенетических процессов, слабая междисциплинарная комплексность изысканий, абсолютизация значения данных отдельных дисциплин (в частности, ономастики), неясность критериев выделения фаз и хронологических этапов этнического развития. Мало учитывается сложный, иерархический характер этнических процессов. Не всегда признается необходимость проверки научных концепций путем альтернативной интерпретации фактического материала. Зачастую допускается механистическое перенесение этнических характеристик современности (самосознания, самоназвания, этнической территории, этнокультурных связей и др.) на древнее и средневековое население Средней Азии и Казахстана. Отстают в развитии некоторые научные дисциплины (антропология в Киргизской ССР, фольклористика) и исследовательские направления. Так, слабо изучена роль конфессии (буддизм, зороастризм, ислам) в этнической истории, культурной, социально-политической интеграции среднеазиатских народов в эпоху древности и средневековья. Недостаточное внимание уделяется этногенезу и этнокультурной эволюции отдельных этносов — уйгуров, памирских народов и др.

В целях преодоления отмеченных недостатков, углубления этногенетических исследований, для пропаганды научных знаний конференция считает необходимым совершенствование методолого-теоретических и организационных основ научной деятельности.

1. Исследование проблем этногенеза и этнической истории должно строиться на синтезе разработок различных наук — археологии, истории, этнографии, лингвистики, фольклористики, филологии, антропологии, этноэкологии, исторической демографии, исторической географии, ономастики — и в контексте развития традиций отечественного и зарубежного востоковедения.

2. Необходимо укрепление источниковой и источниковедческой базы исследований, совершенствование их методики и акцентирование их этногенетической направленности. В частности требуется более широкая публикация и введение в научный оборот письменных памятников. В антропологии целесообразно с максимальной эффективностью использовать возможные таких методов, как серология, дерматоглифика, одонтология. Важно комплексно использовать данные о материальной и духовной культуре, систематически изучать родоплеменные социальные структуры, исторические предания, рассматривая их в качестве ценных источников для реконструкции этнической истории населения Средней Азии и Казахстана.

3. В области методологии стоит задача последовательного применения исторического подхода к изучению этногенеза и этнической истории, учитываая эпохальную, цивилизационно-региональную и локальную специфику этнических процессов. С другой стороны, эти процессы следует исследовать на фоне широких этногенетических и этнокультурных связей, охватывающих как весь среднеазиатско-казахстанский регион, так и соседние регионы (Передняя и Центральная Азия, Южная Сибирь, Поволжье, Приуралье, Северное Причерноморье и др.). Этногенез отдельных народов неправомерно рассматривается в однолинейном плоскоэволюционном и узколокальном плане.

Методология этногенетических исследований основывается на диахронно-синхронном подходе, допускает альтернативность путей исторического развития (этногенетическая непрерывность и этногенетическая прерывность), асинхронность, относительную самостоятельность процессов этногенеза, культурогенеза, антропогенеза и глоттогенеза, опосредованный характер коррелирования этнической и политической истории, поливариантность сопряжения всех этих факторов, определяющих в конечном счете особенности формирования и развития этносов. Последние понимаются как реальные общности людей, а не как внеисторические культурные континуумы.

4. Конференция обращается к Отделению истории АН СССР с предложением вернуться к неправомерно отвергнутой в свое время программе создания региональных историй. Работа над региональной историей народов Средней Азии и Казахстана, ее опубликование послужит важным стимулом для развития научных исследований, станет одним из эффективных средств просвещения общества, формирования здоровых установок в области межэтнических отношений, преодоления этноизоляционистской психологии. Преимущественно монографическое описание истории народов СССР нередко страдает однобокостью, оставляя почву для националистических спекуляций.

Конференция считает также необходимым поставить перед Государственным комитетом СССР по народному образованию, Академией педагогических наук вопрос об освещении в учебных курсах по истории СССР в средней и высшей школе (особенно в педагогических учебных заведениях) происхождения и этнокультурного развития народов страны, проблем антропо- и расогенеза.

5. Просить редколлегию журнала «Советская этнография» организовать дискуссию по вопросам совершенствования методологии и методики этногенетических исследований.

6. Одобрить инициативу Академий наук Таджикской и Узбекской ССР о проведении круглых столов с обсуждением дискуссионных вопросов этногенеза и этнической истории народов региона.

Признать полезным регулярное проведение в союзных республиках региональных археолого-этнографических совещаний для обсуждения новых материалов, отражающих различные стороны процессов этногенеза и этнической истории.